

Господи, господи, какой светлый мир, какая радость, что живем!.. Облака белые, взбитые, появляются и исчезают, все пронизано солнцем, бездна неба синяя, вечная. А люди нет. Неужели не ясно, что надо жить, надо любить?! Кирилл, Кирюша, у меня в волосах сединки, как ты не можешь понять! Почему у тебя даже мысли не появилось? Что ты такой нечуткий? Не исчезай из жизни моей, не исчезай и на полчаса. Исчезнут все, но ты не из их числа, я исчезнуть тебе не дам. Не исчезай!..

Чтобы не было видно слез, она наклонилась к иллюминатору. Лоб уперся в толстое холодное стекло. Напряженно и ровно, на одной ноте, гудели турбины.

Кирилл, как тебе можно было объяснить, это навсегда, навечно. Память у человека с рождения до смерти. Я ехала в этот город, как в свою мечту, как в свою большую светлую судьбу. С верой, надеждой и любовью. Это же любовь, Кирилл! Нам дано большое счастье и большое горе, как ты этого не понимаешь?! Счастье и несчастье рядом живут, врозь не ходят. Знаю, тебя оглушило то и другое, обрекло на бездействие. Только найди в себе силы справиться, не отступить, не отречься. Не отрекаются, любя, ведь жизнь кончается не завтра. Я перестану ждать тебя, а ты придешь совсем внезапно. Не отрекаются, любя...

Давно погасло «No smoking!» над входом в отсек экипажа. Пол опять стал горизонтальным, таким, каким был, когда заходили в самолет и она отыскивала свое место среди тесных рядов кресел. Почему у них так пыльно? Здесь, над облаками, солнце светит вовсю, видна зависшая в лучах пыль, она буквально клубится. И подголовники несвежие. За что они дерут такие деньги?..

Не надо было ехать. Ведь чувствовала, ничего хорошего не будет. Просвета нет впереди, вера почти утрачена, осталась одна любовь. О ней надо забыть. Вопреки здравому рассудку, все-таки поехала. Судьба меня звала, пусть почти двадцать лет прошло. Ехала к тебе. Ехала в город, где прошло детство, где любимые, близкие люди, там выросла. Югорская земля – любовь моя, надежда и отрада. Как в детстве, я хочу прижаться к ней щекой, иного счастья в жизни мне не надо. Навсегда в сердце голубая ширь реки, мягкий плеск волн, серебристый тальник по берегам. И Кирилл там, в этом городе у реки. Кирилл!..

Столько всего накопилось. Когда ехала, только одна была цель – увидеть. А там – будь что будет. Ничего не будет, потому что только от него зависит. Но то, что зависит от меня, я сделаю, чего бы это ни стоило. Он должен пережить все, он должен знать. Шпильки провинциального маразма. Как больно, когда бросают в лицо всеильные слова, когда пронизывают презрительным взглядом, преднамеренно снисходительным. Что вы понимаете, мещане! Я чище и лучше вас. У меня один минус – нет рядом человека, которому можно рассказать, выплакать все страдания, боль, горести, даже мимолетные. Обидно и одиноко.

Зачем ты все время подчеркивал, что я приехала на свадьбу? Ставил между нами барьер? Ты очень «чуткий», позволил мне звонить, если вдруг понадобится, и взял мой адрес.

Ты такой воспитанный, что разрешил приехать посмотреть на тебя, предложил отдохнуть до утра, поручил родителям провозить на автобус – я же так хотела этого! Понедельник и вторник ты, конечно, работал, суббота и воскресенье – сплошные дежурства. Ты вежлив и добр, заботился о моем душевном покое, когда расспрашивал, как на исповеди, и утешал, как святой отче. Мне очень жаль, что ты так торопился на работу, а я еще не уехала. Извини, пожалуйста! Ты весьма проникательный человек, сразу же оценил меня, мои интересы, умственный и культурный уровень, особенно, когда спрашивал, какие у нас цены и где я взяла деньги на самолет. Еще, когда я по невоспитанности не помыла за собой посуду, а потом по причине кричащей нескромности весь день просидела в твоей комнате. Очень интересовался мной, не зря же писали, даже сказал: я все о тебе знаю. Это намек?

Дышать было тяжело, она расстегнула ворот пальто, привычно почувствовала пальцами его вытертый ворс. Стюардесса с подносом замедлила шаг, внимательно посмотрела на нее.

– Вам плохо?

– Все нормально, спасибо.

Взяла с подноса стаканчик с минералкой. Отпила. Она знает, как бывает плохо. Плохо было в автобусе, когда ехала в аэропорт, там едва не потеряла сознание. Свободных мест не оказалось, автобус переполнен, а ноги подгибались, голова кружилась. Она стала опускаться на пол. Какая-то женщина крикнула на весь автобус: «Да что же вы молчите! Садитесь сюда. Побледнела вся – и молчит!». Ее усадили, кто-то расстегивал пальто, кто-то протягивал валидол... Кирилл, милый, а кому ты сейчас помогаешь, кого спасаешь?

Жизнь прошла без маленьких, но таких нужных радостей. Осталось одно, мне всегда везло и будет потрясюще везти, но как мне тебя не хватает! Где глаза, которыми мы в детстве смотрели друг на друга? Я не тебя увидела – годы! Я уже седею. Меня уважают и не уважают, любят и не любят, все это скверно. Была лучшая подруга, теперь нет. И нет никого, и тебя нет! Не потому, что ты далеко, а потому, что чужой. Потерять столько лет ужасно обидно, Кирилл! И не будет того, чего так хотелось, на что были самые добрые, искренние надежды, не будет никого и ничего. Твоя мама на автобусной остановке сказала: «Ну что же вы наделали, ведь всё могло быть. Вы не замужем и Кирюша не женат». Будто не сама утром поливала кому-то по телефону. Одни говорили: Люда, из этого ничего не выйдет. Другие: выбрось его из головы, он ненадежен. Третьи: что ты делаешь, не понимаешь, какая у него мать? Четвертые: у него кто-то есть, иначе не стал бы так себя вести. Меня это не остановило. Столько я слышала, но не верила и говорила: мне его жалко, он не такой. Знала, что был женат, разошелся, где-то разбил машину. Подумала, значит, любил очень, страдал. Это так понятно и правильно.

На самой высокой ноте набирала твой номер. Но разве скажешь все по мобильнику! Телефонные натянутые нити, тихий голос в черной трубке вырастает. И опять, как чье-то краткое «просите», прерывается короткими гудками... Почему не хотел говорить? Отделялся короткими ответами: да, нет. Я не стою, чтобы ко мне отнестись по-человечески? Не стою, чтобы меня понимали? У меня все серьезно, я не авантюристка, не думай. Есть выражение: а что я с этого буду иметь, того тебе не понять!.. Разве не глупость это в жизни, когда всё исчезает, и люди тоже? Почему ты так далек от меня, грустно без тебя, тяжело. Я столько о тебе

думала, столько ждала тебя, так хотелось нашей встречи! Как теперь нам жить – тебе с кем-то и далеко от меня, а мне одной, а потом... Милый, родной, как мне хотелось быть с тобой рядом, видеть тебя! Как я люблю тебя, понимаю очень остро именно теперь. Боже, но почему нам не быть вместе в этой загадочной судьбе и в одной-единственной жизни?! Можешь ты ответить, чтобы я убедилась? Никогда ты не сможешь так сказать и убедить, что все уже неизменно, что наше ушло, никогда не состоится, тебя для меня нет! Не сможешь никогда!..

Подонок. За столом делал глазки, конечно, женщине приятно, тем более, одинокая. Свадеб я боюсь, но Нине Михайловне отказать не могла, все-таки приехала. «Она же наша родственница, как можно!» Пристал, как клещ. Мне и в голову не приходило, я Валина двоюродная сестра, что, может быть, пусть приглашает. Негодяй, опытный, как женщину расположить, знает, а я за другим приехала. Как можно так, жена рядом, зачем прижиматься, мы с Валей давно дружим, мне пить нельзя. «Могла бы не танцевать с ним, ничего бы не было!» Самодовольные рожи, мне от жизни вообще ничего?! Первый раз за столько лет танцевала, на корпоративах в садике одни бабы, топчутся кружком, а тут будто стены раздвинулись, крылья за спиной, так можно принцессу вести под звуки чарующей музыки. Мне и этого нельзя?! От этого отказаться?!

В русском языке более ста пятидесяти тысяч слов, но их не хватит, чтобы я могла написать Вам, Кирилл, всё, что чувствую. Моя рана не затянется никогда. Вы трус, Кирилл, Вы отказались стать королем. Вы испугались, что Вас уличат в низменном вкусе. Все выбирают розу, а Вы – капусту. Но кто скажет, что другая на голову выше – да никогда! Мне очень хотелось поделиться с Вами своими мыслями, интересами, увлечениями – открыть себя. Но Вам не дано понимать стихи, они Вам не по зубам. А я не только воспитатель. Мне чертовски «приятно» было услышать: он что, вам писал? Дескать, чего же, милочка, изволили беспокоиться? Я так хотела, чтобы мы встретились, а это чистое желание было высмеяно, пусть в «деликатно-тактичной» форме. Мне не надо было к Вам приходиться, но я не жалею об этом. Я так много разочаровывалась в жизни, я теряла веру в человека, в добро, в справедливость, что лишний удар судьбы ничего не значит.

Когда я прочитала письмо от тех людей, я даже не предполагала, что так сделаю. Вы не приехали бы к нам – куда, однокомнатная квартира и мы с мамой. Вы были моей верой в доброе, зачем поступили так? Каждым своим словом – Вы будто ножом срезали неокрепшие побеги. Поверьте, это очень больно. Наступает потеря общей болевой чувствительности, поэтому даже самые горькие слова на таком фоне блекнут. Вам показалось, что я, как ловкий делец, приехала сплестать свои сети. Ее гонят в дверь, она обратно в окно. У меня столько добрых чувств к Вам просто по памяти детства. Это естественно. И такой же естественной мне казалась возможность лучших между нами отношений.

Когда тихий час, я стою у окна, смотрю, как школьники идут домой. Девочка и мальчик, класс четвертый, он несет ее портфель, каждый день так. Они любят друг друга, это видно. Такие, как мы раньше. У меня сердце сжимается, когда смотрю на этих детей. Их маленькие существа не подозревают, что может когда-то случиться, как у нас. Боже, сохрани их от того, чтобы они расстались, как мы! Если они встретились, значит, это было нужно. Я смотрю

на них, будто на нас тех, и потому так больно, что ясно: очень короткая у людей жизнь. Все случайно и непоправимо. Я не могу представить себе, что мы так легко потеряем друг друга. Пойми меня так, как я хочу, чтобы ты понял, без всяких выяснений и объяснений. Я уже знаю, что в жизни есть минуты, когда хочется умереть, но пусть их будет мало.

Зачем ты предупреждал, какими вопросами не интересуешься? Извини, но при моем интересе к тем же вопросам вряд ли тогда понадобилось бы ехать так далеко. Думаешь, я на свадьбу приехала? К тебе! Еще советовал получить второе образование: воспитатель в детском саду – непрестижно. Как Вы самодовольно себя вели, Кирилл, когда предлагали остаться, какое великодушие! Говорили потому, что знали, я не останусь. И вдруг услышали другое, какой пассаж! Переменился в лице, обескуражен, отправил родителей. «Люда, мои родители тебя стесняются». Действительно, какая низкая особа! Чудовищно! Хозяева не знают, как избавиться от гостыи, обнаглевшей в своем поведении. Чем же я Вас оскорбила, своим приездом или согласием остаться на Ваше «искреннее» предложение? Тем, что решила встретиться после того, как мне писали, что Вы спрашивали обо мне? Я ведь хотела узнать, какой ты стал. Не по телефону, а на самом деле, глядя в глаза. Тебе хотелось узнать обо мне по-настоящему или просто проявил вежливое любопытство респектабельного мужчины? А что такого я хотела немислимого? Ответить тем же вниманием и той же памятью, с которой ты отнесся ко мне, если верить чужим письмам. Ничего другого, пусть не думают. И, конечно, приятно встретиться со своей юностью, со своим чистым детством, но для этого надо уметь чувствовать, а не быть рыцарем на час!..

Собирая пустые стаканчики, вдоль прохода опять двинулась стюардесса. Синяя аэрофлотовская форма ладно облегла молодое тело, белая блузка мягко подсвечивала чистое бездумное лицо. И даже коротковатые ноги с отчетливой темной порослью не могли испортить впечатления.

Пассажиры с удовольствием задерживали на стюардессе взгляд. Она это чувствовала, и ее движения становились по-особому плавными, даже элегантными, улыбка почти великосветской. Девушка немного играла и была, похоже, счастлива.

Какие-то парни в середине салона – крепкие шеи, короткие стрижки, – то ли спортсмены, то ли бандиты, заговаривали с ней. Но, видимо, вполне пристойно, границ не переходили, потому что улыбка у стюардессы оставалась прежней, ласково покровительственной. Она радушная, на западный манер, хозяйка, а они воспитанные приятные гости. Но уже проступило в ее лице свое, искреннее: вчерашняя школьница, которой льстит внимание ребят старше. И чувствовалось, какая это домашняя, чистая и глупая девочка.

Еще ничего не понимает. Ей даже в голову не может прийти. Но не всё же будет восемнадцать. Жизнь тебя тоже личиком об асфальт, хочешь ты или нет. Странно, дико, почему существует мнение, что великую битву с жизнью мы ведем в молодости? Ерунда – когда стареем!..

Кирилл, ты можешь объяснить, почему мы встретились? Можешь наверняка? Попробуй! Грубо можно. Что заставило меня позвонить впервые через столько лет? Почему именно мама взяла трубку? Если бы ты взял, вряд ли я приехала бы. Что последует от нашей встречи – зависит от нас и не зависит. Такие вещи не говорятся вслух и не пишутся

в письме, их просто нужно понимать, потому что чувства уходят вместе со словами. Мы, Кирилл, прожили половину жизни, и может быть так, что впереди ее лучшая половина. Пройдено и хорошее, и плохое – разное. Ты говорил, что искал такую, которая не изменила бы тебе. По-другому – того, кто любил бы. Только тогда можно не изменить ни тебе, ни себе. В другом случае измена моральная или физическая придет обязательно.

Говорят «судьба». Страшно знать, что от тебя почти ничего не зависит. Но судьба тоже умная, она ищет достойных. Зачем ты спрашивал, верю ли я в судьбу? На доньшке своего сердца – кто не верит. Думаешь, я навязывала себя как судьбу? Каждый должен сам чувствовать свою судьбу, ты тоже. Без моих слов. Я так хотела. И потому загадала, если билетов на сегодня не будет, скажу, что остаюсь. Мне хотелось знать, как хочет случай, вдруг это самое умное решение, самой не сделать. Ты хорошо помнишь, что тебе ответила справочная? Я сказала: «Это судьба». Я ничего особого не имела в виду, обычные слова, речевой штамп, как говорит папа одного мальчика в моей группе, журналист. А ты понял как намек. Ну да, я так бесцеремонна, сама набиваюсь! Рву и мечу, лишь бы охмурить когю! То, что после стольких лет мы встретились – тоже судьба, случайность, ее объяснить нельзя. Если по-настоящему подумать, то ужасно. Ни от тебя, ни от меня не зависит. А ты решил провести нашу встречу под лозунгом: как бы чего не вышло. Думаешь, что жить, раздаривая себя, нельзя. Дарить себя – прекрасно! Превращать свою жизнь для кого-то в цветы – что может быть лучше! Миллион, миллион алых роз. Разумеется, я могла найти способ увидеться посолидней. Но я не хотела скрывать от тебя того, что хочу увидеться. Это должно было само за себя говорить. «Пытались ли вы когда-нибудь устроить свою судьбу?» – сказала твоя мама. Устраивать судьбу – мерзкое выражение. Не пыталась! Судьбу не устраивают, это глупо.

Мне Ваш телефон, Кирилл, дали, я не просила. Если Вам неприятно, что я звонила, моей вины в этом нет. Зачем передавал трубку матери? Какой, хорошей или плохой женой я могла быть и кому – мне лучше знать, устраивала я свою судьбу или нет, отвечать не буду, потому что и тебя об этом не спрашивала. То, за кого Вы меня приняли, мне, разумеется, горько. Напрасно искать то, чего нет, и давать уроки нравственности в самый неподходящий момент. Как много вы обо мне знаете! Не успела ничего сказать, а Вы уже знали, что я приехала на свадьбу. Вы прекрасно встретили, и было бы высшей бестактностью желать большего, погулять вместе по городу, встретить общих знакомых, пообщаться. Как можно рассчитывать на подобное, не правда ли?!

Да, мне было хорошо с этим негодяем, пусть чердак и пыль, больше нигде. Он мне измазал юбку, пришлось замывать, противно, чужой человек. Но все равно хорошо, у меня столько не было мужчины. Я тебе не изменила, не думай, это другое, тебе и безразлично. Валя, дурная, скандал устроила, покусилась на ее сокровище – котяра, за километр видно, нашла из-за чего. Господи, какая бездарная наша жизнь! Я же не хотела, Валя, он сам, я не променяла бы нашу дружбу на этот обтруханный чердак и когда внизу музыка и свадьба! Что я могла сделать? Он у тебя ласковый, умеет уговорить, я не могла отказать. Когда у тебя постоянно под боком, захотела – пожалуйста, а когда раз в году, в отпуске или просто так хороший человек предложит. Время уходит, жизнь! Как не хватает человечности, любви друг

к другу, мы же ненадолго здесь, надо попогать. Это мешанство, Валя, обижаться. Нельзя, чтобы горизонт был сузенный, я бы никогда не тебе так не подумала, как ты можешь!..

Третья парта у окна. Мне было обидно, что у окна сидишь ты, а я с краю и ничего не вижу, ветерок освежающий манил, а ты своего места не уступал. Но как-то раз уступил – пожалел, только на урок. Эгоист! Все гордился, а сам так и норовил списать, старался заглянуть в тетрадь. Я не давала. Помнишь, сочинение по русской литературе – описывали осень. Я счастлива была, что у меня получилось лучше всех, и учительница сказала переписать в тетрадь лучших школьных сочинений. А ты завидовал, шептал всякие гадости, заставлял меня плакать. Потом шел по пятам до самого дома и всю дорогу выкрикивал: «В первый класс не ходила, а сразу во второй пошла!». Будто нельзя было в другой школе. Дома я рыдала от стыда и обиды, помню, как пришлось твоей маме устраивать сцену извинения. Я тогда шла из магазина, в пакете хлеб, молоко, а когда поравнялась с твоим домом, вышла твоя мама и позвала меня. Тебя заставили сыграть небольшой музыкальный этюдик, и этим прощение было достигнуто. Искуплены грехи. Но вид у тебя все равно был победоносный, мне это было страшно обидно.

Кирюша, я очень люблю цветы. Все. Но сильнее всех – розы, кувшинки, водяные лилии, незабудки. Какая они прелесть! Цветы – это любовь растений, правда? Я сама удивилась, когда поняла это. Они не просто так, они – любовь! И как красиво. Всякая любовь должна быть такая, как цветы. Помнишь, я просила Валентину Семеновну в третьем классе посадить одних мальчику и девочку за одну парту – они любили друг друга. Я так же думала про нас. Из-за проблем по математике твоя мама перевела тебя в другую школу. Потом ты мне и еще кому-то брал билеты на «Покаяние», случайно столкнулись. Очередь была невероятная, я бы на фильм не попала, стояла в самом конце. Ты нам купил билеты, ты уже был юноша с лейблом на американских джинсах. Спасибо. Я очень много неприятного испытала, когда Нина Михайловна говорила с вами по телефону и просила разрешения, чтобы мы с тобой встретились. Даже не встретились, просто только поговорили по телефону. Вы назвали меня и наглй, и бессовестной, преследовательницей. Благодарю вас за лицемерие при встрече в таком случае! Или вас разжалобили мои слезы? Вдвойне благодарна с поклоном. «Мы ему говорили, он не хочет». Какая милая откровенность, прелестно! Вы не пытались понять, почему я так беспорядочно звонила из своего города. Кирилл говорил: «Если приедет, вызывайте скорую». Помните эти слова? Вы обвинили меня чуть не в маньячестве, преследовании мужчин. У вас богатое воображение, как вам не стыдно! «Вы несчастный человек». Это вы несчастные!..

Сначала это заметно по стюардессам. Чаше появляются в салоне, лица странные, хотя стараются улыбаться. Турбины гудят по-прежнему, но солнце быстро уходит из иллюминатора, через несколько минут уже на другой стороне. Так проложен маршрут, чтобы лететь в обратную сторону? Да они здесь удавятся, а крюк делать не будут из-за горячего, экономят. «Девушка, что-то случилось?» – «Не беспокойтесь, все хорошо». И жалкая улыбка этой глупенькой маминой дочки.

Командир по трансляции сообщает о температуре за бортом и городах, над которыми пролегает трасса. Это для того, чтобы успокоить, он уже делал такое объявление. Стюардессы просят застегнуть ремни, будят дремлющих. «Уже садимся? Вроде, рано». Та, что постар-

ше, держит себя в руках, налево и направо что-то убедительно объясняет. То ли спортсмены, то ли бандиты в начале салона с ней шутят, как раньше с молодой, но лица уже другие.

Уши закладывает, но карамельки не несут. Самолет пробивает облака, в салоне гаснет свет, становится темно. Всё очень подозрительно. Ну и пусть, моя жизнь теперь чистая формальность. Так даже лучше – сразу. Пусть остается на твоей совести, Кирилл! Пусть она до остатка дней мучает тебя! Женщина в соседнем кресле стучит кулаком по подлокотнику: «Как чувствовала! Не хотела лететь, не хотела!..» Рыдает. Смешная. Опять светло, самолет вынырнул из облаков, внизу аэродром и несколько маленьких красных прямоугольников – пожарные машины. Сосед через проход сгруппировался, опустил голову, поджал руки и ноги – наверно, видел в каком-нибудь кино. Жизнь не стоит того, чтобы так за нее держаться. Резкий удар, скрежет, дикая тряска, будто внизу не гладкая бетонная полоса, а ухабы с Эверест высотой. Все кричат, но крика не слышно, одни раскрытые рты и дико выпученные глаза. Салон заваливается на бок, крыло скребет полосу, самолет несколько раз разворачивает, наконец, он останавливается.

В иллюминатор видно, как, обгоняя пожарную и скорую, бежит Кирилл, в глазах любовь и страх за нее. Она бросается к аварийному трапу, расталкивает всех, съезжает вниз, стараясь, чтобы не задралось неприлично пальто, и попадает в объятия любимого. Он с потрясающей нежностью смотрит на нее. «Я тебя никуда не отпущу! Я виноват перед тобой, прости меня!..»

Кирюша! Солнышко! Зайка! Мой самый, самый лучший. Мой единственный зверек, зверушка, волчонок, самый умный мой глупыш! Худенький юркий мальчишка с острым носиком, упрямый неугомонный хитрец! Самый-самый хитрый на свете, самый-самый добрый, беспокойный говорун, светлая головушка, светловолосая, с колючими серыми глазами – злющими-презлющими, болтунишка, маменькин сынишка, сердечко, милый, желанный!.. Пусть проходят год за годом длинной чередой, ты во мне останешься самым маленьким. Кирюша, Кирилл, Кирюшенька, Кириллка. Видишь, сколько слов, одно ласковее другого. Тебе какое нравится? Я говорила только одно: Кирилл. А так хотелось!..

Трусишка, пугливый мальчишка-воробышек. Так и норовишь что-то схулиганить и остаться безнаказанным. Недоверчивый глупыш! Ничему не веришь, пока сам не убедись. Если ты любишь меня, ни жизнь, ни смерть не разобьют нашей любви. Ты в моей памяти – и это прекрасно. Это невероятно хорошо. Ты умничек, ласковый, нежный звереныш. Ты трепетное сердечко, добрые руки, умные и строгие глаза. Родимушка! Ты кровинушка моя, потому что кроме тебя никого нет. Взять бы лучи солнца и согреть твои руки, взять бы капельки дождя и омыть твое лицо. Коснусь ресницами твоего плеча, не чувствуешь? Коснусь щекой твоего лица, не замечаешь? Проведу пальцами по твоим бровям. Поглажу тебя по головке. Ведь забудем к старости мы всё, развеются наши слова по ветру, уйдем без остатка.

Неужели ты не догадался, не понял, почему я тебе звонила? Дороже тебя никого у меня нет. Убереги меня от того, что ждет в жизни, иначе не будет другого выхода, как све-

сти счета. Я не могу больше терпеть от этой разнузданной толпы, остановить которую не в силах. Спаси от того, что чувствую сейчас и что будет потом. Видели себя замужние бабы со стороны – такие самодовольные, уверенные. Суки! Отсюда всё, что показалось тебе странным и шокировало. Я уважаю твою рассудительность, солидность и благодарна за внимание. Но твой прием был похож на английские скетчи, как выбирать невесту, устраивая прием в доме жениха, на какие тесты ее проверять, чтобы она соответствовала и насколько. Мне казалось, меня при всех раздевали. Ты простил этот приезд, потому что я была все-таки Л. М. и ехала к тебе с неизъяснимой надеждой. Когда-то всему придет конец, ты понимаешь это? По-настоящему понимаешь?!. Я буду писать тебе, хотя ты не отвечаешь, и звонить обязательно, чего бы это ни стоило.

Я не сразу решилась на нашу встречу, ты поверить должен. Ты был год назад на вызове, а потом нам пришло письмо. Не было в моем решении легкомыслия – вздумала и прилетела, клуб кинопутешествий. Сначала я очень недоверчиво отнеслась к тому, что написали. Не видела ничего в этом серьезного, даже обиделась на маму, что настаивает дать адрес. Твой интерес я восприняла правильно, не волнуйся на этот счет. Здоровое любопытство, чем мы часто грешим, нужно отличать от интереса к другому человеку. По моему убеждению, это можно принять за психическое отклонение. Здоровое любопытство не заслуживает осуждения, как не заслуживает равнодушия интерес к другому. Странным показалось, адрес мой просили, но не написали, неприятный осадок остался. Зачем тогда просить? Я тебе все-таки позвонила, ты был на дежурстве, говорила с твоей мамой. Я могу представить, какие у тебя возникли мысли в связи с твоим характером – жутко становится. Пока я у тебя находилась, ты мучительно искал ответ – зачем она приехала? Ты помнишь, с каким беспокойством следил за всем, что я делала – может быть, приехала просто как к врачу?..

Ты фактически строил ужаснейшие предположения, заранее предупреждал, какими вопросами не интересуешься. Как ты мог себе позволить сказать такое! Через столько лет! Ты был свидетелем моих радостей и бед. Как ты мог выложить перед всеми, пусть не прямо, а через чьи-то слова! Я хотела видеть настоящего человека, каким я когда-то открыла тебя для себя. А теперь от твоих «тонких» намеков, вроде – давай останемся я – К. Д., а ты – Л. М., какими вопросами не интересуешься или что твои родители меня стесняются, состояние у меня было «прелестное»! У тебя логика врача, а нужна логика человека. Если бы мне сказали – вам и кувалдой не вбить, как вы будете выглядеть в глазах других, я бы ответила: я делаю это не для того, чтобы позабавить глупцов, не для того, чтобы скрывать от всех то единственное прекрасное, что могло быть от нашей встречи. Неужели я привязалась к человеку, который такой мещанин, что не видит элементарного? Может, тебе этого никогда не понять?..

У меня было мерзкое чувство, когда твоя мама разговаривала с кем-то по телефону, а я все слышала. Не могла поверить, что обо мне можно так плохо думать, я почувствовала себя человеком, которого в порядочный дом лучше не впускать. Что было, хочешь знать?

Лживый, гадкий разговор, в котором было одно. Какая-то гордячка навязывает себя, к тому же выражается намеками, то есть почти невменяемая. А на свадьбе лучшая подружка чуть не выдрала у нее все волосы – соблазнила мужа... Этот отвратительно любезный тон, в котором язвительное лицемерие, провинциальный маразм, когда пугаются и осуждают всё необычное и непривычное! Подумать только, через столько лет тревожит! Да еще такая... Я давно чувствую, что ко мне относятся не так, как заслуживаю. Мое личное представление о себе, понимание себя – и представление обо мне со стороны никогда не сойдутся. Я чувствовала это всегда, но не понимала, а теперь ясно.

Вы, Кирилл, увидели во мне проститутку, и Ваши родители тоже. Я смеюсь вам в лицо! Вы совершенно не знаете меня. Моя память о детстве, о Вас, при всех ее недостатках (Вы считаете, это болезнь) – самое прекрасное, что может быть у человека. Слышали такие слова: чувствую – значит, существую. Не знаю, как Вы, а я чувствую! Я очень угнетена, я много думала и пришла к выводу, что мне дорого любое чувство, к детям, к природе, к мечте. Были мгновения в нашей встрече, когда я чувствовала к Вам нежность, настоящую близость. У Вас, Кирилл, нет характера. Мне кажется, Вы с завистью поглядываете на жизнь, а когда она к Вам поворачивается лицом – трусите. Кто посмелее, Вас опережает, я не о чердаке, чердак – случайность. Нерешительность – Ваша беда. Но я лучше пойду за Вами в ад, чем оставлю одного. Меня поражает, есть миллионы мужчин, которые отхватывают куски больше, чем могут проглотить. Вы посчитали, что быть моим мужем – не Ваш формат. У Вас плохое воображение, Вы могли быть счастливейшим из смертных. «У меня много дел, я не могу долго находиться с тобой». Разве это не портрет в натуральную величину! Вам должно быть стыдно, Кирилл. Я привыкла к неудобствам и необеспеченности, и к тому, что хуже всего: никто не подаст мне руки, когда трудно, пусть даже вокруг много людей. Великую битву с жизнью мы ведем не в молодости, а сейчас. Я эти слова могу считать своими, потому что я их выстрадала. Но я не должна проиграть, запомните это, никогда!..

Приземлились нормально. Пассажиры, как в американских фильмах, стали аплодировать экипажу. Не дожидаясь разрешения, принялись расстегивать ремни и подниматься, доставали из шкафчиков над головой одежду. В салоне сразу стало тесно.

Провожала молодая стюардесса, заученно улыбалась, но глаза смотрели с интересом. Пусть смотрит.

– Всего доброго.

Обойдешься. Молча ехала и в аэрофлотовском автобусе-гармошке. Ждать выдачи багажа не пришлось, всё уместилось в небольшой сумке с собой. Кавказцы-таксисты у стеклянных дверей смотрели сквозь нее, отвезти в город не предлагали. Еще бы.

Вышла на привокзальную площадь. Не сразу поняла, что дождь. А там, в городе на Оби, уже острый воздух, первый снег, небольшой минус...

Надо жить дальше.